

«РОЗРУБИ ТЫ НАШ ДОЛГ...»: ПОНЯТИЕ ДОЛГА В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ

MAXIM S. SHISHKOV

“ROZRUBI TY NASH DOLG...”: THE CONCEPT OF “DUTY”
IN EVERYDAY MOSCOW RUS LANGUAGE OF XVI–XVII CENTURIES

В статье рассматривается развитие понятия «долг» в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII веков. Описываются особенности устойчивых сочетаний со словом «долг», показывается развитие образной составляющей, а также формирование переносных значений: возможный путь внутриязыкового развития значения ‘обязанность’, ставшего основой для включения понятия долга в число значимых этических категорий.

Ключевые слова: язык Московской Руси, историческая лексикология, история русского языка, понятие долга.

The article covers genesis of “duty” concept in everyday Moscow Rus language of XVI–XVII centuries. The author describes the peculiarities of “duty” set expressions that show genesis of figurative component and figurative meanings formation, i.e. a possible way of intralingual genesis of meaning “obligation” that is the principle for “duty” concept to be included into a number of significant ethic categories.

Keywords: Moscow Rus language, historic lexicology, history of Russian language, concept of “duty”.

Обиходный язык Московской Руси, как писал Б. А. Ларин, — «это язык устного общения и частных деловых документов»¹, поэтому естественно присутствие и частотное употребление в нем терминов и понятий деловой сферы. Одним из них, очень важным в социально-экономическом и этическом отношении, является понятие долга.

По данным картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» лексема «долг» выступает в памятниках обиходно-разговорной речи прежде всего в значении ‘то, что взято или дано взаймы’. В этом значении употребляются и терминологизированные устойчивые сочетания «кабальный долг» (‘долг, оформленный документом (кабалой)’) и «бескабальный долг» (‘долг, не оформленный документом (кабалой)’), «долг не в долг» (‘долг не считается долгом’) и другие.

В XVI–XVII веках предложно-падежная конструкция «в долг» начинает употребляться в значении наречия (‘с последующей оплатой’): *От роду не продавал товару в долг [dolgh]*. (Аноним. разг., 78 об., сер. XVI века).

Из-за непосредственной обращенности к жизненным ситуациям *долг* начинает восприниматься как предмет, приобретает характеристи-

Максим Сергеевич Шишков

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► max-shishkov@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 11-04-00423а)

ку веса. Долг сравнивается с чем-то тяжелым, что нужно тащить на себе, сопоставляется с тяглом: *И от Михайлова походу Шеина, от великова тягла от долгов, розбрелися* (А. посад. люд., 188, 1647 год) Это представление проявляется и в частотных конструкциях «снять долг с кого-либо»: *Сняли с меня [Евфимии Александровой] долгу полчетверто рубля, и грамоту есми им дала.* (АРГ, 8, 1505–06 гг.), «есть долг на ком-либо»: *А на мне долгу никакова нет* (ИНРЯ, 204, № 58, XVII — н. XVIII века).

Вес и объем долга определяются прилагательным «великий», которое в формулах челобитных имеет усилительное значение для экспрессивного описания бедственного положения челобитчика, например: **«должать (задолжать, одолжать(ся), обдолжать) великим(и) долгом (долгами, долги)»**: *Только я [вдова иноземца корабельщика Г. Петрова], бедная, не пожалована и по се время, скитаюся и задолжала великими долгами* (РД IV, 135, 1673 год).

С другой стороны, долг в языковой картине мира Московской Руси мог представляться как состояние, в котором кто-либо находится.

Речь может идти о человеке. В этом случае долг воспринимается как вместилище. Например, в устойчивых сочетаниях **«жить в долгу»**, **«сидеть в долгах»**: *Въсти из Венецие... которые должные люди до ста золотых червонныхъ должны были и в тѣхъ долгах сидѣли и тѣхъ встѣхъ освобожали* (В-К IV, 119, 1649 год).

В других случаях может говорить об объекте, за который еще не расплатились: *И онѣ [Г. Прокофьев, брат крестьянина А. Прокофьева]... меня [А. Прокофьева], сирату вашего [П. А. и А. Г. Самариных], хочи<т> изагнать, патаму что онѣ человекъ заживачнои, а у мене кляча одна и та в долгу* (ИНРЯ, 210, XVII — н. XVIII век).

Помимо «пассивных» форм долга есть и «активные» — когда приходит время расплачиваться. Это проявляется, например, в устойчивом выражении **«от долгу бегать»** («уклоняться от возврата взятого займа»), используемом в сравнениях: *И вшед в избу [ревнивый муж], как недужная свиния по потполю суется... и как от долгу бегаеи и глаза цепает* (Сл. о мужах ревн., 132, XVII век).

Понятие долга неразрывно связано со сферой торговли, которая, как отмечает О. С. Мжельская, очень важна для разговорников этого периода: «Так или иначе каждый из них представлял лексические материалы, относящиеся к самому процессу купли — продажи, названиям товаров, сопутствующим финансовым и юридическим обстоятельствам»².

Так, например, в Копенгагенском разговорнике имеется целая глава — «Как долги выбирать» (Копенг. разг., 49-2, сер. XVII века), представляющая речевые стратегии и тактики, необходимые для получения данного займа.

Разговорник М. Ридли дает только перевод (Ридли, 129, XVI век), а разговорник Т. Фенне предлагает языковое выражение для способа взаимозачета долгов: *Дружка, я тебѣ виноват, и ты мнѣ на промѣна (!) виноват, затим подѣм мы да разочтѣмси / разогнѣмси, кому от кого донять, да мы своим долгом сровняемся* (Разг. Фенне, 394, 1607 год). Интересен тот факт, что в этом же разговорнике представлено устойчивое сочетание **«разрубить долг»**, т. е. «рассчитать, кто кому сколько должен»: *Пожалуй, розруби ты наш долг, я ёму за свою долю заплачу* (Разг. Фенне, 373, 1607 год). Заметим, что и здесь долг представляется как нечто тяжелое, без усилий не поддающееся делению (поэтому и появляется глагол «разрубить»).

Однако долг в языковой картине мира воспринимался не только в качестве понятия деловой сферы. Постепенно в обиходном языке происходит семантическое развитие слова «долг» в сторону абстрактного значения «обязанность». Сложность заключается в том, что не всегда из контекстов можно понять, идет ли речь о том, что следует возратить, или же о некоторой обязанности. Двоякость прочтения объясняется в таких контекстах упоминанием должности. Например: *Ходил де онѣ [старец] въ Астрахань для долгу*. Обычно распространенная конструкция **«для долга»** означает «для возврата долга», но в этом контексте есть одно уточнение: *что бывалъ он астраханский стрѣлецъ* (Сид, 24, 1625 год). Указание должности может подразумевать, что имеются какие-либо обязанности, для исполнения которых старец отправляется в Астрахань.

Несомненным же примером актуализации этого значения служит устойчивое выражение «долг душевный», обозначающий молитву: *По вся дни, и по вся вечера исправя сии (!) [сей] долгъ душевныи, во утри воставати къ позвону* (Дм., 25, XVI век). Молитва воспринимается как служба Богу, как то, что необходимо сделать душе. Такое употребление интересно тем, что средствами обиходного языка описывается религиозное понятие молитвы, рассматриваемое не как формальный элемент жизни (не как «правило»), а как внутренняя необходимость души ввиду ее зависимости от Бога.

Сема 'необходимости что-либо сделать из-за зависимости от кого-/чего-либо' и стала, как представляется, основой для развития абстрактного значения 'обязанность'.

Однако стоит сделать одно замечание относительно связанных с духовной жизнью моментов. В обиходном языке не представлено переносное значение слова «долг» 'грех'. Примером этого значения традиционно считается, например, фраза из молитвы «Отче наш» — «и остави нам долги наша» (Мф. 6: 12). Оно отмечается уже в «Старославянском словаре»³. А употребленное в сатире, слово «долг» в этом фрагменте молитвы получает лишь первое, основное значение — 'то, что дано взаймы': *Дай же тебя, господи, и сего дни, и оставите должники долги наша, яко же и мы оставляем животы свои [пьющие] на кабаке* (Служба кабаку, 56, XVII век). Возникает вопрос: почему столь известное значение не появилось в обиходном языке?

Сопоставляя приведенные данные с материалами старославянского и церковно-книжного языка, можно обнаружить следующее. В церковно-книжном языке словом «долг» передавался целый ряд греческих понятий: τὸ ὀφείλημα 'долг, задолженность', τὸ δάνειον 'заем, ссуда под процент', а также полисемантическое слово τὸ χρέος, имеющее семь значений: 'обязательство, долг', 'надобность, необходимость', 'обязанность', 'имущество, достаток', 'событие, явление', 'поступок или вина', 'прорицание или совет'⁴. По меньшей мере 4 из них представлены в русском слове «долг»: либо в церковно-книжном, либо в обиходном языке.

Вопрос заключается в том, как соотносятся значения греческих слов со значением русского слова «долг». Например, по данным старославянского словаря, церковно-книжное значение 'грех' сопоставимо с 'виной' в греческом языке. Однако греческий текст Евангелия от Матфея не подтверждает это предположение: в нем употребляется существительное τὸ ὀφείλημα 'долг, задолженность': καὶ ἄφεσ ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, а не грех. Смешение же значений объясняет то, что в параллельном тексте, в Евангелии от Луки (Лк. 11: 4) употребляется слово ἡ ἁμαρτία 'грех' (которое и в славянском тексте передается словом «грех»).

Проанализировав контексты употребления слова «долг» в обиходном языке Московской Руси, можно сказать, что переносное значение 'обязанность', вероятнее всего, не было заимствовано, а появилось в результате собственного внутриязыкового развития семантического потенциала слова «долг».

Таким образом, в обиходном языке Московской Руси понятие долга прошло несколько стадий: от актуального социально-экономического термина через актуализацию образной составляющей до переносного значения 'какая-либо обязанность', ставшего основой для новообразований XVIII века⁵ и вошедших в число наиболее значимых этических категорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 656.

² Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2003. С. 170.

³ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

⁴ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958.

⁵ Например, «должность» — см.: Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 144–145.

ИСТОЧНИКИ

А. посад. люд. — Акты о посадских людях-закладчиках / Н. П. Сильванский // Лет. занятий Археограф. комис. Вып. 22. СПб., 1910.